

Александр Грин

Сказка о слепой рыбе

Александр Грин
Сказка о слепой рыбе

«Public Domain»

1917

Грин А. С.

Сказка о слепой рыбе / А. С. Грин — «Public Domain», 1917

«В одном из подземных озер Западной Америки жили слепые рыбы. Они родились и выросли во мраке, так же, как отцы и матери их, как все их предки, кроме родоначальников этой породы. Когда-то, во времена седой рыбьей старины, несколько молодых, прытких рыб, шмыгая по Теллурийскому водопаду, оборвались и, чудом оставшись живы, попали сквозь глубокую трещину в подземный ручей. Ручей этот привел ошарашенных рыб к тому самому подземному озеру, с которого мы начинаем рассказ...» Книга также выходила под названием «Струя».

© Грин А. С., 1917
© Public Domain, 1917

Александр Грин

Сказка о слепой рыбе

В одном из подземных озер Западной Америки жили слепые рыбы. Они родились и выросли во мраке, так же, как отцы и матери их, как все их предки, кроме родоначальников этой породы. Когда-то, во времена седой рыбеёй старины, несколько молодых, прытких рыб, шмыгая по Теллурийскому водопаду, оборвались и, чудом оставшись живы, попали сквозь глубокую трещину в подземный ручей. Ручей этот привел ошарашенных рыб к тому самому подземному озеру, с которого мы начинаем рассказ.

Рыбы живут долго. Через тридцать, сорок, а может быть, и сто сорок лет, – как можем мы знать это наверное? – невольные отшельницы совершенно ослепли. Ни малейшей искры света не проникало в глубину их черной воды, лишённой волны и ветра, течений и подводных растений. Глаза рыб разучились видеть. Они подернулись навсегда глухой белой пленкой; исчезло наконец и воспоминание о свете.

Когда-то, очень давно, в мрачные пещеры подземного озера спустилась компания натуралистов, исследователей горных пород, – и фотограф, снимая внутренность подземных пространств, зажег магний. Как молния белый свет ударил по засверкавшей воде, облил волнами искр сталактитовые колонны, обнажив даже выступы подводных камней, но старички равнодушно пошевеливали хвостом, по-прежнему ничего не видя; вода была для них такой же черной, как в первый день достопамятного путешествия сквозь роковую подводную трещину.

От этих злосчастных рыб пошли новые поколения. Они были не только слепы, но и не подозревали, что такое свет, лучи, краски, блеск воды. Старики, в минуты душевной слабости, любили вспоминать обо всем этом, но сами, как сказано, будучи бессильными мысленно представить свет, на все вопросы детей, внуков и правнуков могли лишь упорно шамкать: «Говорят вам, что от света светло».

Самой молодой, самой любопытной и нервной в подземной компании была рыбка Струя. Ее прозвали так другие рыбы за быстроту и резвость ее подводного хода.

Жизнь казалась ей ужасным сном. Глубокая тишина стояла в пещере и озере. Изредка лишь раскрошившийся от сырости камень падал, возбуждая гулкое эхо, в неподвижную воду, заставляя ее вздрагивать. Вечная тьма висела проклятием над душой Струи. Она, правда, не имела ни малейшего понятия о свете, но думала, что должно же быть в мире нечто более радостное, чем черное большое «туда-сюда», в котором слышатся голоса рыб и чувствуется их то близкое, то далекое присутствие. Часто Струей овладевала тоска, тогда она бесцельно и долго путешествовала из пещеры в пещеру.

Другие рыбы относились к Струе, как к существу безнадежно безумному. Они обыкновенно стояли кучей, обсуждая семейные дела, заводя никчемные споры, или спали до одурения.

Но вот заговорил вулкан «Бешеный Рот», сто лет дремавший неподалеку от подземного озера. Он загрохотал, затрясся, изрыгнул тучи дыма и пепла, залился огненной лавой и всколебал землю. Ее недра разверзлись. Осели и расползлись горы, взгорбились долины, реки изменили течение, и из подземных пещер хлынуло освобожденное озеро. Почти все население его погибло при этом. Струя только помнила, что ее подняло, завертело, помчалось... она лишилась сознания, а очнувшись, почувствовала, что прежней жизни конец. Началось нечто изумительно новое.

Рыбку нашу силой перемещения воды забросило в небольшую реку, протекающую среди болот и степей.

Да, было чему изумиться!

Во-первых, почувствовала она, что должна удерживаться, работая плавниками, на месте, если не хочет бесполезно следовать движению текучей воды. Во-вторых, дышать здесь было невыразимо приятно, сквозь жабры проходила щедро насыщенная кислородом, нежно пахнувшая вода. Черное «туда-сюда» осталось, конечно, но стало неузнаваемым. Мягкое дно, гибкие, послушные толчкам водяные растения, плеск струи, шум ветра, запах береговых цветов, бодрые голоса стремительных рыб и еще множество разных звуков, никогда не слышанных, наполнили сердце Струи неизведанным восхищением.

Если бы она прозрела, то увидела бы яркий полдень зеленой степи и над собой – изумрудно сверкающий покров неба, блестящего сквозь желтоватую воду.

Струя ничего не видела. Она робко, в тихом молчаливом восхищении прижималась к осоке и старалась понять смысл чуда.

– Милочка, – сказала ей пробегающая форель, – ты откуда взялась?

– А где я? – ответила вопросом Струя.

– Как где? Понятно, в реке «Буль-буль».

– Не знаю, – сказала слепая. – Я жила раньше в нашем «туда-сюда», под землей. Ты кто?

– Посмотри хорошенько, невежа!

– «Посмотри». Я не могу посмотреть.

– Ба! Да ты слепая?! – сказала форель. – Совершенно удивительное событие. Как же так?

– Да так.

– Эй, эй, рыбы, идите сюда! Вот слепая из-под земли! – закричала форель.

На зов ее собралось много народа. Трудно описать общее удивление. Струю оглушали словами. Едва она успевала вставить слово, как весь хор любопытных созданий перебивал ее новыми вопросами о прошлом или же беспорядочными сведениями о реке «Буль-буль».

Только поздней ночью разошлось общество, оставив Струю взволнованной и печальной. Она ведь не могла все-таки не понять, что рыбы, живущие в «Буль-буль», обладают неизвестным для нее чудесным даром, от которого хорошо. Дар этот они называют зрением. У кого он есть, тот может, не сходя с места, знать, что есть вокруг него. И еще что-то... Краски, оттенки... Голубое, желтое, белое... Да. Что-то разное.

У нее ничего этого не было.

Ей не спалось, и она грустно думала, что новый мир останется для нее, слепой, таким же темным и безотрадным, как воды пещер.

И она повторила слова, сказанные недавно форели:

– У нас там темно. Невесело у нас, плохо. Здесь мне тоже темно.

– Завидуешь? – спросил ее с берега ночной Гном, умевший читать мысли рыб и бабочек. Он занимался починкой сломанного колокольчика. Колокольчик охал и нервничал.

– Да замолчи ты, лиловая пустота! – вскричал Гном. – Дай же поговорить!

– Я не завидую, – сказала Струя. – Какой смысл завидовать? Ведь оттого, что этим рыбам хорошо смотрится, мне все равно лучше не станет. Нет, я рада, что есть такие, не похожие на меня рыбы, которые видят.

– Как? – сказал Гном. – Теперь восходит солнце. И не разбирает тебя злоба, что другие видят волшебные чудеса облаков, а ты тыкаешься головой в дно?

Струя пожала плавниками.

– Пусть другие будут другими, а я останусь, какова есть.

Как только она сказала это, Гном засмеялся, уронил с крошечного своего пальчика чудодейственное кольцо и хлопнул в ладоши.

Кольцо тронуло оба глаза Струи, и рыба прозрела.

Так начала жить в светлых водах рек красная и шаловливая рыбка форель-хариус, известная всем. Эту ее историю составил Гном, рукопись переписывал на машинке жук-водолаз и отправил в редакцию. Редактор было не поверил столь чудесной истории, но, наведя справку

у свидетеля – Лилового колокольчика, убедился, что Гному, в серьезных случаях жизни, можно и должно верить.